

и во дворце, представьте себе, тоже нехорошо. Какая-то странная, неприличная ночь во дворце суета. Через зал, где стоят аляповатые золоченые стулья, по лоснящемуся паркету мышинной победкой пробежал старый лажей с бакенбардами. Где-то в отдалении прозвучал дробный электрический звонок, прозвонили чьи-то шпоры. В спальне зоркала в тусклых рамах с коронами отразили странную неестественную картину. Худой, седоватый, с подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек в богатой черкессе с серебряными газырями заметался у зеркал. Возле него шевелились три немецких офицера и двое русских. Один в черкессе, как и сам центральный человек, другой во френче и рейтузах, обличавших их кавалергардское происхождение, но в клиновидных гетманских погонах. Они помогли лисьему человеку переодеться. Была совлечена черкесска, широкие шаровары, лакированные сапоги. Человека облекли в форму германского майора, и он стал не хуже и не лучше сотен других майоров. Затем дверь отворилась, раздвинулись льняные дверцы, портьеры и пропустили еще одного человека в форме военного врача германской армии. Он принес с собой целую грудку пакетов, вскрыл их и наглухо умышленными руками забинтовал голову неворожденного германского майора так, что остался видным лишь правый лисий глаз да тонкий рот, чуть приоткрывший золотые и платиновые коронки.

Неприличная ночная суета во дворце продолжалась еще некоторое время. Каким-то офицерам, слоняющимся в зале с аляповатыми стульями и в зале соседнем, вышедший германец рассказал по-немецки, что майор фон-Шратт, разряжая револьвер, нечаянно ранил себя в шею и что его сейчас срочно нужно отправить в германский госпиталь. Где-то звенел телефон, еще где-то пела птичка — пиу! Затем к боковому подъезду двора, пройдя через стрельчатые резные ворота, подошла германская бесшумная машина с красным крестом, и закутанного в марлю, наглухо запакованного в шинель таинственного майора фон-Шратта вынесли на носилках и, откинув стенку специальной машины, заложили в нее. Ушла машина, раз глухо рывкнув на повороте при выезде из ворот.

Во дворце же продолжались до самого утра суетня и тревога, горели огни в залах портретных и в залах золоченых, часто звенел телефон, и лица у лакеев стали как будто наглыми, и в глазах заиграли веселые огни...

...Минута в минуту, в семь часов перед строем появился полковник Малышев, и, как предыдущим днем, его встретил приветственный грохот в зале. Господин полковник, как и в предыдущий день, был олеясан серебряной шашкой, но в силу каких-то причин тысяча огней уже не играла на серебряной резьбе. На правом бедре у полковника покоился револьвер в кобуре, и означенная кобура, вероятно, вследствие не свойственной полковнику Малышеву рассеянности, была расстегнута.

Полковник выступил перед дивизионом, левую руку в перчатке положил на эфес шашки, а правую без перчатки нежно наложил на кобуру и произнес следующие слова:

— Приказываю господам офицерам и артиллеристам мортарного дивизиона слушать внимательно то, что я им скажу! За ночь в нашем положении, в положении армии, и, я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения. Поэтому я объявляю вам, что дивизион распущен! Предлагаю каждому из вас, сняв с себя все знаки отличия и захватив здесь в цейтгаузе все, что каждый из вас пожелает и что он может унести на себе, разойтись по домам, скрыться в них, ничем себя не проявлять... Коротко: времени у меня нет, уверяю вас, — ловеще и значительно подчеркнул полковник, — и у вас тоже. Вопрос: кого желаете защищать?

Молчание.

— Кого желаете защищать, я спрашиваю? — грозно повторил полковник.

Мышляевский с искрами огромного и теплого интереса выдвинулся из группы, козырнул и молвил:

— Гетмана обяжутся защищать, господин полковник.

— Гетмана? — переспросил полковник. — Отлично-с. Дивизион, смирно! — вдруг рывкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. — Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал, как последняя каналья и трус! Сегодня же, через час после гетмана бежал туда же, куда и гетман, то есть в германский поезд, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков. Не позже чем

через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки. Слушайте: у Петлюры на подступах к городу слыше чей стотысячная армия, и завтрашний день... да что я говорю, не завтрашний, а сегодняшний! — полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом, — разрозненные, разбитые части несчастных офицеров и юнкеров, брошенные штабными мерзавцами и этими двумя прохвостами, которых следовало бы повесить, встретятся с прекрасно вооруженными и превышающими их в двадцать раз численностью войсками Петлюры... Слушайте, дети мои! — вдруг сорвавшимся голосом крикнул полковник Малышев, по возрасту годившийся никак не в отцы, а лишь в старшие братья всем стоящим под штыками. — Слушайте! Я кадровый офицер, вынесший войну с германцами, чему свидетель штабс-капитан Студзинский, на свою совесть и ответственность беру все!.. Все! Вас предупреждаю! Вас посылаю домой!! Понятно? — прокричал он.

— Да... а... га, — ответила масса, и штыки ее качались.

Полковника Щеткина уже с утра не было в штабе, и не было по той простой причине, что штаба более не существовало. Еще в ночь под 14-е число штаб Щеткина отъехал назад, на вокзал Города-1, и эту ночь провел в гостинице «Роза Стамбула», у самого телеграфа. Там ночью у Щеткина изредка пела телефонная птичка, но к утру она затихла. А утром двое адъютантов полковника Щеткина бесследно исчезли. Через час после этого и сам Щеткин, порывшись зачем-то в ящиках с бумагами и что-то порвав в ключья, вышел из запертой «Розы», но уже не в серой шинели с погонями, а в штатском мохнатом пальто и в шляпе пирожком. Откуда они взялись — никому не известно.

Взяв в квартале расстояния от «Розы» извозчика, штатский Щеткин уехал в Липки, прибыл в тесную, хорошо обставленную квартиру с мебелью, позвонил, поцеловался с полной золотистой блондинкой и ушел с нею в запертую спальню. Прощетав прямо в округлившиеся от ужаса глаза блондинки слова:

— Все кончено! О, как я измучен... — полковник Щеткин удалился в альков и там уснул после чашки черного кофе, изготовленного руками золотистой блондинки.

Ничего этого не знали юнкера 1-й дружины. А жаль! Если бы знали, то, может быть, осенило бы их вдохновение и, вместо того чтобы вертеться под шрапнельным небом у Поста-Вольнского, отправились бы они в уютную квартиру в Липках, извелили бы оттуда сонного полковника Щеткина и, выведя, повесили бы его на фонаре, как раз напротив квартирки с золотистой особой.

II

...Скользкие ступени вынесли Турбина во двор. Тут он совершенно яственно услышал, что стрельба таратела совсем недалеко, где-то на улице, ведущей широким скатом вниз к Крещатику, да вряд ли и не у музея. Тут же стало ясно, что слишком много времени он потерял в сумеречном магазине на печальные размышления и что Малышев был совершенно прав, советуя ему поторопиться. Сердце забилось тревожно.

Осмотревшись, Турбин убедился, что длинный и бесконечно высокий желтый ящик дома, приотвешенного мадам Анжу, выпирал на громадный двор, и ткнулся этот двор вплоть до низкой стенки, отделявшей соседнее владение управления железных дорог. Турбин, прищурившись, огляделся и пошел, пересекая пустыню, прямо на эту стенку. В ней оказалась калитка, к великому удивлению Турбина — не запертая. Через нее он попал в противный двор управления. Глухие дырки управления неприятно глядели, и ясно чувствовалось, что все управление вымерло. Под гулким сводом, пронизывающим дом, по асфальтовой дороге доктор вышел на улицу. Было ровно четыре часа дня на старинных часах на башне дома напротив. Начало чуть-чуть темнеть. Улица совершенно пуста. Мрачно оглянулся Турбин, гонимый предчувствием, и двинулся не вверх, а вниз, туда, где громоздились присыпанные снегом в жидком сквере Золотые ворота. Один лишь пешеход в черном пальто пробежал навстречу Турбину с испуганным видом и скрылся.

Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то

под ложечкой томило и сосало предчувствие. Злобно морщась, чтобы преодолеть нерешительность — ведь все равно идти нужно, по воздуху домой не перелетишь, — Турбин приподнял воротник шинели и двинулся.

Тут он понял, что отчасти томило — внезапное молчание пушек. Две последние недели непрерывно они гудели вокруг, а теперь в небе наступила тишина. Но зато в городе, и именно там, внизу, на Крещатике, ясно пересыпалась пачками стрельба. Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку, а там, прижимаясь за Софийским собором, тихонечко и выбравшись бы к себе, переулками на Алексеевский спуск. Если бы так сделал Турбин, жизнь его пошла бы по иному совсем, но вот Турбин так не сделал. Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах... Тянет к холоду... к обрыву. И так потянуло к музею. Непременно надо было увидеть, хоть издали, что там возле него творится. И, вместо того чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри, и очень отчетливо малышевский голос шепнул: «Беги». Турбин повернул голову вправо и глянул вдали, к музею. Успел увидеть кусок белого бока, надувшиеся купола, какие-то мелькавшие вдали черные фигурочки... больше все равно ничего не успел увидеть.

В упор на него, по Прорезной показной улице, с Крещатика, затаенного далекой морозной дымкой, поднимались, рассыпавшись во всю ширину улицы, серенькие люди в солдатских шинелях. Они были недалеко — шагах в тридцати. Мгновенно стало понятно, что они бегут уже давно, и бег их утомил. Вовсе не глазами, а каким-то безотчетным движением сердца Турбин сообразил, что это петлюровцы.

«По-пала», — отчетливо сказал под ложечкой голос Малышева.

Затем несколько секунд вывалились из жизни Турбина, и что во время их происходило, он не знал. Ощутил он себя лишь за углом, на Владимирской улице, с головой, втянутой в плечи, на ногах, которые его несли быстро от рокового угла Прорезной, где конфетница «Маркиза».

«Ну-ка, ну-ка, ну-ка, еще... еще...» — застучала в висках кровь.

Еще немножечко молчания сзади. Превратиться бы в лезвие ножа или влипнуть в стену. Ну-ка... Но молчание прекратилось — его нарушила совершенно неизбежное:

— Стой! — прокричал сильный голос в холодную спину Турбину.

«Так», — оборвалось под ложечкой.

— Стой! — серьезно повторил голос.

Турбин оглянулся и даже мгновенно остановился, потому что явилась короткая шальная мысль изобразить мирного гражданина. Иду, мол, по своим делам... Оставьте меня в покое... Преследователь был шагах в пятнадцать и торопливо взбрасывал винтовку. Лишь только доктор повернулся, изумление выросло в глазах преследователя, и доктору показалось, что это монгольские раскосые глаза. Второй вырвался из-за угла и дергал затвор. На лице первого ошеломление сменилось непонятной зловеющей радостью.

— Топ! — крикнул он. — Бачь, Петро: офицер, — вид у него при этом был такой, словно внезапно он, охотник, при самой дороге увидел зайца.

«Что так-кое? Откуда известно?» — грянуло в турбинской голове, как молотком.

Витовка второго превратилась вся в маленькую черную дырку, не более гривенника. Затем Турбин почувствовал, что сам он обернулся в стрелу на Владимирской улице и что губят его валенки. Сверху и сзади, шипя, ударило в воздухе — ч-ч-ч...

— Стой! Ст... Тримай! — Хлопнуло. — Тримай офицера!! — загремела и залюлюкала вся Владимирская. Еще два раза весело трахнуло, разорвав воздух.

Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка: на смену оленя сабому и в действительности трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. По-волчьи обернувшись на угонке на углу Мало-Провальной улицы, Турбин увидел, как черная дырка сзади оделась совершенно круглым и бледным огнем, и, поддав ходу, он свернул в эту Мало-Провальную, второй раз за эти пять минут резко повернув свою жизнь.

Инстинкт: гонятся настойчиво и упорно, не отстанут, достигнут и, достигнув, совершенно неизбежно, убьют. Убьют, потому что бежал, в кармане ни одного документа и револьвер, серая шинель; убьют, потому что на бегу раз сvezет, два сvezет, а в третий раз — попадут. Именно в третий. Это с древности известный раз. Значит, конечно; еще полминуты — и валенки погубят. Все непременно, а раз так — страх прямо через все тело и через ноги выскочил в землю. Но через ноги ледяной водой вернулась ярость и кипятком вышла из рта на бегу. Уже совершенно по-волчьи

косил на бегу Турбин глазами. Два серых, за ними третий выскочили из-за угла Владимирской, и все трое впереворот свергнули. Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь. Олять наддал ходу, смутно впереди себя увидел мелькнувшую под самими стенами у водосточной трубы крупную черную тень, почувствовал, что деревянными клещами кто-то рванул его за левую подмышку, отчего тело его стало бежать странно, косо, боком, неровно. Еще раз обернувшись, он, не спеша, выпустил три пули и строго остановил себя на шестом выстреле:

«Седьмая — себе, Еленка рыжая и Николка. Конечно. Будут мучить. Погоня вырежут. Седьмая себе».

Боком стремясь, чувствовал странное: револьвер тянул правую руку, но как будто тяжелея левая. Вообще уже нужно останавливаться. Все равно нет воздуха, больше ничего не выйдет. До изола самой фантастической улицы в мире Турбин все же дождался, исчез за поворотом и ненадолго получил облегчение. Дальше безнадежно: глуха запертая решетка, вон, ворота громады заперты, вон, заперто... Он вспомнил веселую дурацкую поговорку: «Не теряйте, куме, силы, опускайтесь на дно».

И тут увидел ее в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду. Она, наполовину провалилась в эту стену и, как в мелодраме, простирая руки, сияя огромнейшими от ужаса глазами, прокричала:

— Офицер! Сюда! Сюда...

Турбин, на немного скользящих валенках, дыша разодраным и полным жаркого воздуха ртом, подбежал медленно к спасительным рукам и вслед за ними провалился в узкую щель калитки в деревянной черной стене. И все изменилось сразу. Калитка под руками женщины в черном влипла в стену, и щеколда захлопнулась. Глаза женщины очутились у самых глаз Турбина. В них он смутно прочитал решительность, действие и черноту.

— Бегите сюда. За мной бегите, — шепнула женщина, повернулась и побежала по узкой кирпичной дорожке. Турбин очень медленно побежал за ней. На левой руке мелькнули стены сарая, и женщина свернула. На правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад. Низкий заборчик перед самым носом, женщина проникла во вторую калиточку. Турбин, задыхаясь, — за ней. Она захлопнула калитку, перед глазами мелькнула нога, очень стройная, в черном чулке, подол взмахнул, и ноги женщины легко понесли ее вверх по кирпичной лесенке. Обострившимся слухом Турбин услышал, что там, где-то сзади за их бегом, осталась улица и преследователи. Вот... вот, только что они перескочили за поворот и ищут его. «Спасла бы... спасла бы... — подумал Турбин, — но, кажется, не добежу... сердце мое». Он вдруг упал на левое колено и левую руку при самом конце лесенки. Кругом все чуть-чуть закружилась. Женщина наклонилась и подхватила Турбина под правую руку.

— Еще... еще немного! — вскрикнула она; левой трясушей рукой открыла третью низенькую калиточку, протянула за руку спотыкающегося Турбина и бросилась по аллее. «Ишь, лабиринт... словно нарочно», — очень мутно подумал Турбин и оказался в белом саду, но уж где-то высоко и далеко от роковой Провальной. Он чувствовал, что женщина его тянет, что его левой бок и рука очень теплые, а все тело холодное, и ледяное сердце еле шевелится. «Спасла бы, но тут вот и конец — кончик... ноги слабеют...» Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом. Услышан был еще звон ключа. Женщина все время была тут, возле правого бока, и уже из последних сил, в нитку втянувшись за ней Турбин в фонарь. Потом через второй звон ключа во мрак, в котором обдало жилим, старым залахом. Во мраке над головой очень тускло загорелся огонек, пол поехал под ногами влево... Неожиданные ядовито-зеленые с огненным ободком ключья прблетели вправо перед глазами, и сердцу в полном мраке полегчало сразу...

В тусклом и тревожном свете ряд вытертых золотых шляпочек. Живой холд течет за пазуху, благодаря этому больше воздуха, а в левом рукаве губительное влажное и неживое тепло. «Вот в этом-то вся суть. Я ранен». Турбин понял, что он лежит на полу, больно упираясь головой во что-то твердое и неудобное. Золотые шляпки перед глазами означают сундук. Холод такой, что духу не переведешь, — это она льет и брызжет водой.

— Ради бога, — сказал над головой грудной слабый голос, — глотните, глотните. Вы дышите! Что же теперь делать?